

А.К. Гоголев

Л.Н. Толстой. Наследие поначалу запрещённое, ныне неслышимое

16+

Лейтмотив статьи — упомянутая Львом Толстым фраза царя Александра II, который говорил, что «либералы не страшны ему, потому что он знает, что всех их можно купить не деньгами, так почестями» [Л.Н.Толстой].

Анафеме графа Толстого никто не предавал, некоему митрополиту Антонию и ещё шести альфа-клирикам в 1901 году хватило ума засвидетельствовать своими подписями «только» отпадение от Церкви мирового гения; решение Синода никто с тех пор не отменял.

Этот «недружественный» акт тогдашней РГКЦ (Российской греко-католической церкви; РПЦ — это только с 1943 года) не был единственным, цензура и до, и после 1901 года доставала Толстого по полной. Да и около-дворцовые клакёры, как и тогдашние «блогеры» с проплаченной функцией ручных ботов навешали ярлыков на гения нации от души, используя все доступные в начале XX века медийные возможности. Но, в конечном итоге, без толку.

Ряд произведений писателя оказался в запрещённом индексе (только что в костры его статьи не бросали!), до 1905 года этот индекс пополнялся без решения суда.

Толстой обрушивался со своей критикой отнюдь не на что-то окружающее его вещественное, материальное, а на удручающее состояние духовности нации и порой ужасающую недееспособность её власти и Церкви; порой им описываемое предстаёт в веке XXI как дежавю — и вправду история циклична.

Речь в первую голову идёт о запрещённых царской цензурой статьях и письмах писателя — «Христианство и патриотизм, 1894», «Не убий никого, 1907», «Письмо фельдфебелю, 1898», «Письмо либералам, 1896», «Не убий, 1910» и «Бессмысленные мечтания, 1895», — которые ныне легко найти в веб-пространстве, [в томах 31, 37, 39, 69 и 90 ПСС Л.Н. Толстого >](#)

В веке XXI на эти статьи властями и РПЦ даже теневой бан ставить не приходится, так как цели иЕГЭового образования и Болонской системы по сути достигнуты: многие молодые граждане РФ уже давно переняли «выдающиеся» способности императрица Елизаветы Петровны, которая с трудом осиливала текст двух страниц, после чего у неё начиналась мигрень. А тут нужно удержать в голове мысли, изложенные в одном предложении, но которое в стиле Л.Н. Толстого может начинаться в начале одной страницы, заканчиваться через две, попутно нашпигованное фразами на французском!..

Непротивление злу. — Правда?

Ну и где лейб-историки вычитали у Толстого про «непротивление злу насилием»? Похоже, им было просто трудно **осознать хотя бы вот это** —

«Полное совершенство есть свойство только бога, свойство же человека есть только приближение к совершенству. И потому рассуждение о том, что если мы никогда не можем быть свободными от убийства, то и заповедь: не убий, не может быть нравственным руководством, — такое рассуждение есть или обман, или грубое заблуждение.» [Том 90]

Как именно Лев Толстой «не противлялся» злу и насилию в своей жизни, говорят его статьи и публичные письма, которые довели царя, его чиновников и РГКЦ до «белого каления». Однако по причине мировой известности человека указанная монолитная «элитная» компания не стала отплачивать ему пулями как Плеве, как Столыпину и как ещё десяткам интеллектуалов страны, — нет! она просто запустила маховик публичной травли графа Толстого. И что оказалось куда эффективнее... собственно, по сценарию, который был вычислен и предсказан самим графом аж почти за столетие до появления опорного в современной идеологии наставления Джорджа Оруэлла в «1984» .

Так за что же Дом Готторпов-Романовых взъелся на Льва Толстого?

«Чёрная кошка» начала курсировать меж Готторпами и Толстым, начиная с 1894 года, с года публикации по сути издёвки Толстого по поводу братания русских моряков с французами в Тулоне и по всей Франции, дошедшего до степени психопатической истерии, и что вызвало бурю негодования в Ясной Поляне:

Дурно тут то, что все это ложь, самая очевидная и наглая, ничем не оправдываемая, злая ложь. Ложь — эта внезапно возникшая, исключительная любовь русских к французам и французам к русским; и ложь — наша подразумеваемая под этим нелюбовь к немцам, недоверие к ним. И еще большая ложь — то, что цель всех этих неприличных и безумных оргий есть будто бы соблюдение европейского мира.

Все мы знаем, что никакой особенной любви к французам мы не испытывали ни прежде, ни теперь не испытываем, точно так же, как и то, что мы не испытывали и не испытываем никакой враждебности к немцам.

Рис. 1. Русская эскадра в Тулоне (под командованием контр-адмирала Ф. К. Авелана), с 13 по 29 октября 1893 года. Яндекс.Картинки.

И, наконец, легко разглядев в псевдо-патриотической оргии **будущий стандарт Оруэлла** — «Знать и не знать, владеть полной правдой и говорить тщательно сфабрикованную ложь, придерживаться одновременно двух взаимоисключающих мнений, знать, что они противоречат одно другому, и верить в оба...» — Толстого прорвало:

Во Франции одинаково восторженно приветствовали войну с Россией при Наполеоне I, и потом Александра I, того, против кого велась война, и потом опять Наполеона, и опять союзников, и Бурбона, и Орлеана, и республику, и Наполеона III, и Буланже; а в России одинаково восторженно приветствуют нынче Петра, завтра Екатерину, послезавтра Павла, Александра, Константина, Николая, герцога Лейхтенбергского, братьев славян, прусского короля и французских моряков и всех тех, кого начальство захочет приветствовать. Точно то же самое происходит в Англии, Америке, Германии, Италии.

То, что называется патриотизмом в наше время, есть только, с одной стороны, известное настроение, постоянно производимое и поддерживаемое в народах школой, религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой — временное, производимое впечатление низших по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм угнетенных народностей не составляет из этого исключения. Он точно так же несвойствен рабочим массам, а искусственно прививается им высшими классами.

Однако, он не уgomонился и на этом:

Патриотизм в наше время подобен лесам, когда-то бывшим необходимыми для постройки стен здания, которые, несмотря на то, что они одни мешают теперь пользованию зданием, все-таки не снимаются, потому что существование их выгодно для некоторых... Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм.

Патриотизм есть рабство.

Похоже, Толстой как в воду глядел, и вряд ли сходу можно понять, о каком времени тут речь им ведётся:

Благодаря распространению печати, грамотности и легкости сообщений, правительства, везде имея своих агентов, через указы, церковные проповеди, школы, газеты внушают народу самые дикие и превратные понятия об его выгодах, об отношениях народов между собой, об их свойствах и намерениях, и народ, настолько задавленный трудом, что не имеет ни времени, ни возможности понять значение и проверить справедливость тех понятий, которые внушаются ему, и тех требований, которые во имя его блага предъявляются ему, безропотно покорятся им...

Власть правительств держится на общественном мнении, обладая же властью, правительства посредством всех своих органов, чиновников, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могут поддержать то общественное мнение, которое им нужно. Общественное мнение производит власть, власть производит общественное мнение. И выхода из этого положения кажется что нет никакого.

Разумеется, «клиническое заключение» Толстого о сути власти и об оргиях во Франции по поводу прибытия русской эскадры никак не сочеталось с восторженным письмом царя Александра III в Третью республику, и вряд ли царь возрадовался потом реакции Толстого на срежиссированный во Франции вертеп... 20 октября 1894 года, от последствий ж/д-катастрофы 1888 года Александр III умер, но отношение Дома Готторпов-Романовых к Толстому не изменилось.

Король умер, да здравствует король!

17 января 1895 г. царь Николай II впервые выступил на широкой публике, собрав представителей дворянства и земств всех губерний и областей России, в первый, но далеко не в последний раз унизив своих подданных. Однако 27-летний мальчик-на-троне не учёл, что 67-летний Лев Толстой продолжит упорно следовать своему жизненному девизу «Сила не в силе, а в правде!», да ещё и с большей энергией и резкостью, чем прежде.

Вот как Толстой описал тот мерзкий эпизод:

«И вот отворилась дверь, вошел маленький, молодой человек в мундире и начал говорить, глядя в шапку, которую он держал перед собой и в которой у него была написана та речь, которую он хотел сказать. Речь заключалась в следующем:

“Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель” (текст печатался в газетах — А.Г.)

Когда молодой царь дошел до того места речи, в котором он хотел выразить мысль о том, что он желает делать всё по-своему и не хочет, чтобы никто не только не руководил им, но даже не давал советов, чувствуя, вероятно, в глубине души, что и

мысль эта дурная и что форма, в которой она выражена, неприлична, он смешался и, чтобы скрыть свой конфуз, стал кричать визгливым, озлобленным голосом.

Что же такое было? За что такое оскорбление всех этих добродушных людей?

А было то, что в нескольких губерниях: Тверской, главное Тверской, Тульской, Уфимской, еще в какой-то земцы в своих адресах, исполненных всякой бессмысленной лжи и лести, намекали в самых темных и неопределенных словах о том, что хорошо бы земству быть тем, чем оно по своему смыслу должно быть и для чего оно было учреждено, т. е. чтобы иметь право доводить до сведения царя о своих нуждах. На эти-то намеки старых, умных, опытных людей, желавших сделать для царя возможным какое-нибудь разумное управление государством, потому что, не зная, как живут люди, что им нужно, нельзя управлять людьми, — на эти-то слова молодой царь, ничего не понимающий ни в управлении, ни в жизни, ответил, что это — бессмысленные мечтания.

Когда речь кончилась, наступило молчание. Но придворные прервали его криками «ура», и почти все присутствующие закричали тоже «ура».

А дальше катящийся из царских резиденций валун глупофилии и неприкрытой ненависти к народу только набирал скорость в стране:

«В газетах иностранных («Times», «Daily News» и др.) — продолжал Толстой — были статьи о том, что для всякого другого народа, кроме русского, такая речь государя была бы оскорбительна, но нам, англичанам, судить об этом с своей точки зрения нельзя: русские любят это и им нужно это» (Кузен Ники на это унижение русской нации ни строчки возмущения не отправил своему кузену Джорджи в Лондон! То есть согласился с такой оценкой национальной гордости русских! — А.Г.).

«Прошло 4 месяца, и в известных, так называемых высших кругах русского общества установилось мнение, что молодой царь поступил прекрасно, так, как должно было поступить. “Молодец Ники, — говорят про него его бесчисленные кузены, — молодец Ники, так их и надо”.

И течение жизни и управление пошло не только по-старому, но хуже, чем по-старому: те же бессмысленные жестокие гонения евреев, сектантов; те же ссылки без суда; те же отнятия детей у родителей; те же виселицы, каторги, казни; та же нелепая до комизма цензура, запрещающая всё, что вздумается цензору или его начальнику; те же одурение и развращение народа.» [Том 31 ПСС]

Трудно ли представить реакцию Николашки ([обладателя лишь 1/128 части русской крови в жилах](#)) и его соправительницы, принцессы Гессен-Дармштадской на подобное? Одновременно я удивляюсь, как Толстой ещё удержался от того, чтобы обыграть очевидное предположение о печальных последствиях для психики и когнитивных способностей царя удара катаной по голове, — удара плоскостью меча, полученного наследником Русского престола в Японии от местного фанатика за три года до коронации.

Царь-недотыкомка (т.е. *мелкий домовый чёрт*) опустил до такой базарной низости, что понудил кого-то из своей челяди посвященную ему статью Толстого переименовать в полуподпольном издании с авторского варианта «Чингиз Хан с телеграфами» на нейтральное «Пора понять» ([см. фрагмент >](#)).

Однако Толстой ещё и «осиновый кол» вытесал для Ники и его потомков!

Продолжая «непротивляться злу», Л.Н. Толстой, мало того, что уже в 1895 году разглядел в Николашке никчемное и злобное существо, о чём всем и поведал, так ещё и вбил «осиновый кол» в саму систему наследственного самодержавия. И ведь не поспоришь:

«Положение дел ведь такое: существует огромное государство с населением свыше 100 миллионов людей, и государство это управляемо одним человеком. И человек этот назначается случайно, не то что избирается из самых лучших и опытных людей наиболее опытный и способный управлять, а назначается тот, который прежде родился от того человека, который прежде управлял государством. А так как тот, который прежде управлял государством, тоже назначался случайно по первородству, точно так же, как и его предшественник, — и только родоначальник их всех был властителем, потому что достиг власти или избранием, или выдающимися дарованиями, или, как это бывало большей частью, тем, что не останавливался ни перед какими обманами и злодеяниями, — то выходит, что становится управителем 100-миллионного народа не человек, способный к этому, а внук и потомок того человека, который выдающимися способностями или злодеяниями, или и тем и другим вместе, как это чаще всего бывало, достиг власти, — хотя бы этот потомок не имел ни малейших способностей управлять, а был бы самым глупым и дрянным человеком. Положение это, если прямо посмотреть на него, представляется действительно бессмысленным мечтанием.

Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить... Положение это действительно совершенно бессмысленно и может быть оправдываемо только тем, что было время, когда люди верили, что эти властители суть какие-то особенные, сверхъестественные или избранные богом помазанные существа, которым нельзя не повиноваться...» [Бессмысленные мечтания, 1895.]

Справочно. Ответы о том как, когда конкретно и почему именно возник институт царей (кшатриев) получены только буддистами, которые пришли к заключению, что речь идёт о временах, последовавших сразу вслед за гибелью IV-ой земной Расы (мы — V-я Раса; [см. подробнее здесь >](#)).

«Осиновый кол», виртуально вбитый Толстым в систему престолонаследия, как известно, вскорости материализовался в России, и жёстко. В чём ключевую роль сыграл (ну конечно же!) кузен Джорджи, наотрез отказавшийся приютить у себя в Лондоне отрекшегося от престола двоюродного братца с семьёй, который ни перед I-ой Мировой, ни после 1917 года, к великой радости короля Великобритании и банкиров Европы и не помышлял возвращать в казну России свои (то есть народные!) заграничные авуары [из английских и французских банков](#), куда он только в одном 1905 году вывел почти \$1 млрд. Лидеры власти Советов такие дипломатические намёки понимали с полуслова, вычислив очевидное желание банкирских Домов Европы никогда не узреть наследников Готторпа-Романова в своих офисах. Глава государства Советов, брат американского банкира Аарон

Мойшевич Гаухманн (по кличке [Свердлов >](#)) этот намёк понял-в-лёт, и род недотыкомки был изведён под корень; предварительно в иной мир был отправлен и последний легитимный царь Михаил (брат Николая), официально правивший Россией полтора дня. — Пожелания стран Внеморальной Оси были исполнены.

Характерно, что в Западной Европе никто даже и не пикнул с осуждением событий в доме купца Ипатьева, в отличие от функционеров РПЦ и властей Российской Федерации в конце XX века, которые своими крокодиловыми слезами наполнили не один тазик по этому поводу. При этом объём «тазика» был прямо пропорционален нежеланию Ельцина повторить судьбу Николая II, что ему уже в 1996 году светило достаточно ярко. Но выручили КПРФ и «новые русские», обеспечив пропуск Россией очередного «нождауна» в 1998 году.

Примечательно, что и ныне критиковавшиеся Толстым традиции века XIX остаются порой нерушимы: в выборных бюллетенях вы увидите только информацию о кандидате уровня «родился... женился... учился...» но не перечень его стараний и описаний достигнутых профнавыков, что привели к известным положительным итогам как для страны, так, главное, для людей. Увы, но среди детей и внуков «машинистов», находящихся ныне во власти, уже совсем мало тех, кто бы имел представление о назначении контроллера на рабочем месте их предков.

Ох уж этот Толстой! Он умудрился рассориться и с германским кузеном Ники

Причуды кайзера Вильгельма не остались незамеченными:

Недавно Вильгельм II заказал себе новый трон с какими-то особенными украшениями и, нарядившись в белый мундир с латами, в обтянутые штаны и в каску с птицей и сверх этого надев красную мантию, вышел к своим подданным и сел на этот новый трон с полной уверенностью, что это дело очень нужное и важное, и подданные его не только не нашли в этом ничего смешного, но нашли это зрелище весьма торжественным [*«Христианство и патриотизм», 1894*].

В этой смехопанораме, на мой взгляд, было бы к месту упомянуть ещё и о хобби кайзера Вильгельма II (приходящегося кузеном как Николаю-2, так и королю Англии), когда тот в неистовстве носился с топором по лесу, срубая всё что ни попадя на своём пути (представили картинку?).

Говорить правду в лицо, не взирая на титулы, — это в стиле писателя. Явно для многих окажется удивительным, но истинным автором крылатой фразы героя фильма «Брат 2» — «Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!» — является, на самом деле, Л.Н. Толстой:

«Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы её, или хоть только бы не отступали от неё словом и делом: не говорили бы того, чего они не думают, не делали бы того, что они считают нехорошим и глупым.»
[Там же, Том 39 ПСС]

Однако и этого оказалось «мало»: мировой гений нажил лютых врагов и среди чиновников

Отметив роль чиновников, существующих источниками лишь эпизодического формирования царём окончательного решения по какому-либо вопросу на базе их докладов (который ведь «Всё сам!»), Толстой решил помахать «красной тряпкой» и пред очами мощнейшей страты общества:

«Чиновники. Кто же эти чиновники? Это люди, для достижения своих личных целей пролезающие во власть и руководимые только тем, чтобы им получать побольше денег. В последнее время люди эти до такой степени у нас в России пали в нравственном и умственном значении, что если они прямо не воруют как воровали те, которых обличили и прогнали, — они даже не умеют притвориться, что преследуют какие-нибудь общие государственные интересы, они только стараются как можно дольше получать свои жалованья, квартирные, разъездные.

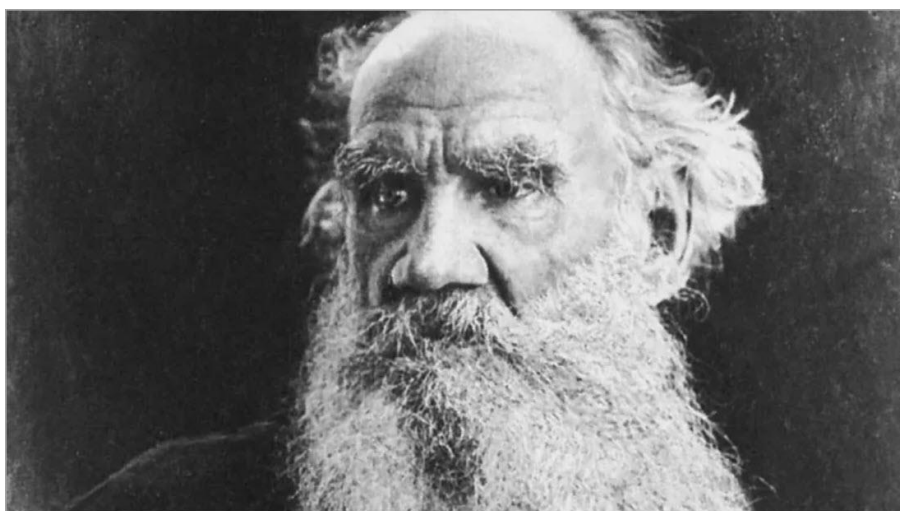

Рис. 2. Лев Н. Толстой. Яндекс.Картинки

Так что управляет государством не самодержавная власть, — какое-то особенное, священное лицо, мудрое, неподкупное, почитаемое народом, — а управляет в действительности стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили, что он может прекрасно управлять сам один. И он смело отклоняет всякое участие в управлении представителей народа и говорит: «Нет, я сам».

Представляется, что человек удивительнейшей судьбы А.П. Кропоткин эту цитату намертво прикрепил к знамени Русского анархизма, суть которого в сознании многих извращена ныне лейб-историками и комедиантами с особым цинизмом ([см. подборку интереснейших и разложенных по темам воспоминаний Кропоткина](#)).

Ну а дальше, как и всегда малость замысловато, Лев Толстой озвучил описательно-мотивировочную часть текста приговора себе:

«Но зачем же я буду подчиняться людям, заведомо подлым или глупым, или то и другое вместе, которые 30-летней подлостью пролезли во власть и предписывают мне законы и образ действий? Мне говорят, что по высочайшему повелению мне

предписано [не] издавать таких-то сочинений, не собираться на молитву, не учить моих детей, как я считаю хорошим, а по таким-то началам и книгам, которые опред[еляет] г-н Победоносцов... Царствовать и управлять народом нельзя без того, чтобы не развращать, не одурять народ и не развращать и не одурять его тем в большей степени, чем несовершеннее образ правления, чем меньше управители выражают собою волю народа. А так как у нас самое бессмысленное и далекое от выражения воли народа правление, то при нашем управлении необходимо самое большое напряжение деятельности для одурения и развращения народа. И вот это одурение и развращение народа, совершающееся в таких огромных размерах в России, и не должны переносить люди, видящие средства этого одурения и развращения и последствия его.»

И опять дежавю. — Толстой о каких временах писал? Или вас ласкает та данность, что среди депутатов Госдумы РФ сегодня [спокойно творят законы России 16 граждан стран НАТО](#) (те, кто обзавёлся там имуществом, имея, разумеется, второе гражданство там)?

Так кто кому де-факто объявил «отпадение»: РГКЦ — Толстому, или же наоборот?

Ещё в октябре 1891 года на всю страну прозвучали слова К.Н. Леонтьева (в монашестве Климента), в которых досталось и Вл. С. Соловьёву, первому на Руси профи-философу:

«А лучше всего было бы, если бы г. Петровский обратился с просьбой к великому князю Сергею Александровичу уговорить митрополита Иоанникия, чтобы он сказал сам проповедь противу этого смешения христианства с демократическим прогрессом или обнародовал какое-нибудь краткое послание к своей пастве. Скажут: много чести? Я не согласен. Преосвященный Никанор удостоил же внимания своего Л. Н. Толстого, а что такое проповедь этого самодура и юрода сравнительно с логическою и связною проповедью сатаны Соловьёва!»

Истоки нервного срыва у этого монаха-философа станут вскоре понятны.

Отношения с РГКЦ истинно верующего во Христа Льва Толстого не складывались и далее. Российская греко-католическая церковь платила ему тем же.

Поводов для взаимной неприязни хватало. Например, в статье «Не убий никого» Толстой попытался ответить на вроде бы простой вопрос: А каковы итоги аж тысячелетних стараний РГКЦ по вразумлению идеями Христа своей паствы? — После снятия шор тотальной пропаганды, итоги оказались чудовищны!

Да, поминание идеологии и успехов СССР у кого-то застревают в горле, но итоги эти, и всего-то лишь за 70 лет существования Союза достигнутые, можно реально, то есть физически пощупать и наблюдать в поведении миллионов людей; и что не вытравить уже ничем и никогда! РГКЦ (ныне РПЦ) на этом фоне выглядит, мягко сказать, бледно! И особенно отвратительно выглядит на фоне тотальных подделок ею Национальной летописи и самого страшного идеологического преступления XIX века — детальной разработки и внедрения в сознание граждан России фейковой от начала и до конца норманнской теории ([см. здесь >](#)), придуманной поначалу

кратким сценарием (синописом), который был изложен [на фальшивой \(заменённой\) 8-ой странице Радзивилловской летописи](#) в начале XVIII.

Я не верю, что в своих оценках окружающего мира Л.Н. Толстой «перегибал палку». — Тем более осознавать им сказанное тяжело. Но одновременно становится понятным и физически зримым состояние сознания русских людей, которое их подвело к 1917 году. Да и сами посудите:

«Правительство преследует мою брошюру «Не убий» и сажает в тюрьму её распространителя, — писал за два года до своей смерти Толстой. — Теперь оно неизбежно должно преследовать то, что я сейчас пишу, должно казнить и меня...

Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельное неустройство, не пролетариат, не финансовое расстройство, не грабежи, не бунты, не вообще революция. Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий. Ужасно то, что большинство русских людей живет без какого бы то ни было нравственного или религиозного, обязательного для всех и общего всем закона: одни, признавая религией отжившие, не имеющие уже никакого разумного смысла, ни, главное, обязательного для поведения значения, старинные верования, руководятся в жизни только своими соображениями и вкусами; другие же, признавая ненужность каких-либо верований (религии), точно так же руководятся только своими самыми разнообразными соображениями и желаниями. Так что большинство людей, действующих теперь в России, под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями.

Самое ужасное при этом то, что люди эти, отказавшись от разумной человеческой жизни, спустившись почти на ступень животных, вполне довольны собою и уверены, что все те глупости и гадости, которые они говорят и делают в подражание западным народам (как правительственные люди, так и революционеры), несомненно доказывают их превосходство над мудрыми и святыми людьми прошедшего, и что не только не надо стараться установить какое-либо общее всем религиозное жизнепонимание — веру, могущую соединить людей, но что отсутствие всякой веры и доказывает их умственное и нравственное превосходство...

Много было причин, уничтоживших веру людей в христианскую религию во всех её формах: в католичество, в православие, в протестантство. Такими причинами были и религиозные споры и всё большее и большее просвещение; главной же причиной было то, что как церковное католическое, так и протестантское христианство допускало казни и войны... В русском народе происходит теперь напряженная борьба двух самых противоположных свойств человека: человека зверя и человека христианина...

Как велико должно быть извращение нравственно-религиозного чувства людей и даже простого рассудка, когда им нужно доказывать, и почти наверное тщетно, что «не убий» не значит то, что можно убивать людей других, чем свой, народов и ещё

тех, убийство которых мы признали для себя полезным; а что слова эти, нами же приписываемые богу, значат то, что не должно убивать никого.»

Простой тест. А сегодня есть ли хоть кто-либо, кому знакомо имя героя нации Ф.Р. Качанова, аудитора Петра ([см. подборку >](#))? Вот и я о том.

Удивительно, но, упрекая Толстого в «отпадении от церкви», попы не уразумели, что понятия «церковь» и «вера», «христианство» и «иудохристианство» в России уже очень давно стали по своей сути разными, и исключительно их трудами. Они точно не читали вот эти слова «Отпавшего»:

«Жить сообразно с своей совестью можно только вследствие твердых и ясных религиозных убеждений. Когда же есть твёрдые и ясные религиозные убеждения, то благие последствия от них во внешней жизни придут неизбежно. А потому сущность того, что я хотел сказать вам, состоит в том, что невыгодно хорошим, искренним людям тратить силы ума и души на достижение мелких, практических целей, как разные борьбы народности, партий, либеральных вымогательств, когда не установлено ясное и твёрдое религиозное мировоззрение, т. е. сознание смысла своей жизни и своего назначения. Я думаю, что все силы души и разума хороших людей, желающих служить людям, должны быть направлены на это. А когда это будет, то будет и всё остальное.» [Сноска Толстого в «Письме либералам», 1896. Том 69 ПСС]

Следует акцентировать: в системе взглядов Л.Н. Толстого религиозное мировоззрение — это совсем не то, что сегодня вкладывается в это понятие и РПЦ и властями; реально — это есть осознание каждым человеком смысла своей жизни и своего назначения.

Собственно, речь тут ведётся Толстым — если говорить современным языком — о необходимости разработки государственной национальной идеи (идеологии), но что в веке XXI запрещено статьёй 13 Конституции РФ под страхом административно-уголовного преследования.

Меж тем, уже в конце XIX – начале XX очень многим было в России очевидно, что Закон возмездия от насаждения с XVII века чуждого стране иудохристианства, которое вплоть до XIX века держалось на кострах инквизиции ([см. монографию проф. Грекулова >](#)), сработает вот-вот.

Понятно, что с такой оценкой своих мрачных перспектив РГКЦ смириться не могла, и Синод, не найдя ничего лучше как «запретить!», «наказать!», «затравить!», что называется, громко оттоптался ногами, предварительно обозвав Толстого «самодуром и юродом», признав его «отпадшим» (слава богу, что не падшим!).

«Топают» и до сих пор многие: как из «элиты» общества, так и в РПЦ. Но теперь-то в каком направлении топают, к чему граждан подталкивают? Не очевидно ли, что в уже раз указанном Толстым направлении — к пропасти?!

NB

В октябре 1910 года, по дороге к казавшимся ему землям вольницы, к казакам Новороссии, 84-летний писатель простудился.

На станции Астапово Л. Н. Толстого вынесли из поезда уже с крупозным воспалением лёгких, поместив в доме начальника станции. В МВД, в Синод и к жандармам полетели шифрованные телеграммы о состоянии его здоровья...

Последними словами гения нации были: «Мне хочется, чтобы мне никто не надоедал... я люблю много, я люблю всех...»

Рис. 3. Ясная Поляна. Тульская область. Могила Л.Н. Толстого

На могиле Толстого креста как не было исходно, так и ныне нет. Может, и к лучшему?!

*

Желающие взглянуть на полные исходные тексты семи упомянутых выше запрещённых критических статей и писем Л.Н. Толстого, сверстанных из 90-томного собрания сочинений гения планеты в один файл, — см. [в .pdf-файле \(1,3 Mb, 83 стр.\) >](#)

[#идеология](#) [#подлоги_истории](#) [#вся_сила_в_правде](#) [#бунт_Льва_Толстого](#)
[#запрещённая_литература](#) [#общество](#) [#политика](#)